

МИХАИЛ БОГАТОВ, ДАРЬЯ ПАВЛОВА*
«НЕЗРИМОЕ СООБЩЕСТВО»
ВЛАДИМИРА БИБИХИНА**

Получено: 03.07.2022. Рецензировано: 28.07.2022. Принято: 04.08.2022.

Аннотация: В данной статье рассматривается ряд трудностей, с которыми неизбежно сталкивается исследователь творчества Владимира Бибихина и некоторые из которых относятся ко внешнему определению направления его мысли. В этой связи возникает два больших вопроса: с одной стороны, как Владимир Бибихин относился к официальной позднесоветской линии философии и, с другой, как можно описать то «незримое сообщество» современников, которое, даже если его нельзя назвать в строгом смысле состоящим из единомышленников, все же формировало тот единый контекст, позволявший Бибихину не чувствовать себя в творческой изоляции? При этом речь идет не столько о понятии в строгом смысле влияния (которое, несомненно, было), сколько о создании своего рода атмосферы — фона, дающего возможность каждому из участников данного сообщества развивать собственные идеи. Ответ на второй вопрос можно дать, лишь рассмотрев тему отношения к современности и ее утверждения посредством собственных творческих поисков. Ряд трудностей связан со внутренней демаркацией и с определением творчества Бибихина. С одной стороны, сугубо хронологически мы можем говорить о его долекционном и лекционном периодах: в статье предлагается рассматривать первый из них в качестве утверждения соучастников, собеседников того горизонта мысли, который получит тематическое раскрытие во втором периоде. С другой стороны, само тематическое многообразие авторских курсов, если анализировать их в хронологической последовательности, указывает нам на собственно авторский, единый путь мысли Владимира Бибихина в качестве философа.

Ключевые слова: Владимир Бибихин, «незримое сообщество», Сергей Хоружий, Сергей Авернищев, Михаил Гаспаров, Ольга Седакова, позднесоветская философия, периодизация творчества, понятие современности.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-13-31.

ВВЕДЕНИЕ

Работа, которая еще только предстоит будущим исследователям творчества Владимира Вениаминовича Бибихина, сопряжена с рядом сложнейших проблем. В первую очередь, мысль Бибихина чрезвычайно

*Богатов Михаил Александрович, д. филос. н., профессор; Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов), m_bogatov@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2831-918X; Павлова Дарья Александровна, ассистент; Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского (Саратов), darialpavlova@gmail.com, ORCID: 0000-0001-8696-3980.

**© Богатов М. А.; Павлова Д. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

сложно классифицировать, а он сам не относил себя ни к одному из существующих направлений философии или, шире, науки; более того, он всячески стремился избежать подобной ангажированности. При этом мы не можем сказать, что философия Бибикина представляет собой скорее достояние художественного слова (как, например, творчество Василия Розанова — излюбленного Бибикиным автора), нежели научной мысли. Ее непрменный признак — строгое определение предметного поля и метода исследования, а также формулировка предварительных ожидаемых результатов и выдвижение гипотез, сопутствующих их предполагаемому достижению. Ничего подобного в работах Владимира Бибикина — особенно в его лекционных курсах — мы не встречаем. В редких случаях, когда такие цели декларируются привычным для научноориентированного взгляда способом, автор формулирует их настолько своеобразно, что для стороннего читателя они остаются фактически непонятными¹. Таким образом, мы имеем дело с отсутствием самодекларации, а также с прямой невозможностью определения философии Бибикина как принадлежащей к одному из существующих традиционных направлений извне. Сама эта трудность может быть раскрыта по нескольким аспектам.

Во-первых, в научной литературе принято четко разграничивать советский и постсоветский периоды в истории отечественной философии. Основанием для подобного разделения служит само проблемное поле официальной советской философии, ограничивающее себя «правильно» понятым и развиваемым историческим и диалектическим материализмом. Если ограничить исследовательскую установку подобным образом, то даже и здесь не все так очевидно, поскольку в пределах официальной советской философии существовали свои направления, зачастую оппонирующие друг другу вплоть до заведения особых «дел»², иногда завершающихся вынужденной миграцией их фигурантов (как это случилось, например, с Александром Зиновьевым). В то же время, если в поле

¹См., например, предисловие к лекционному курсу «Лес», фактически представляющее собой итоговый отчет в РГНФ по соответствующему гранту: «В работе выявлена важность темы живого автомата в отличие от механического, генетического программирования в отличие от планирующего; прослежены отличительные черты настоящего (истинного) автомата, прежде всего прохождение через ситуацию кризиса, предельного напряжения, неопределенности, амехании (апории)» (2, 9). Для того, кто еще не знаком с самим лекционным курсом, такое пояснение скорее будет иметь прямо обратный эффект.

²Например, о случае Эвальда Ильенкова смотрите: Ильенков, Коровиков, 2016.

зрения исследователя попадает что-то выходящее за пределы официальной философии, то оно часто рассматривается в качестве «второй», неподцензурной (в том числе — диссидентской) культуры, и чаще всего речь идет все же не о философии, но о художественной литературе — прозе и поэзии. Мысль Бибикина не может быть классифицирована ни по первой, ни по второй из означенных рубрик: она никогда не заявляла о себе ни на поле официального марксизма, ни в борьбе с ним, ни в желании его «обновления». При этом мы не можем отнести ее и ко «второй» культуре: Бибикин не претендовал на диссидентство³ ни по своим личным убеждениям, ни по выбору тем для творчества. В связи с этим исследователи, занятые изучением поздней советской философии, не уделяют внимания творчеству Бибикина, поскольку они заведомо нацелены на выявление более-менее официальных установок марксизма-ленинизма и взглядов, оппонирующих официальным. Ранние работы Бибикина оказываются, таким образом, своеобразной лакуной для интересов подобных исследователей.

Тематическое богатство творчества Бибикина указывает нам на его предельно широкую гуманитарную «междисциплинарность»: он выступает не только философом, но и философствующим историком, филологом, лингвистом, переводчиком, ученым (если понимать науку не в современном смысле, закрепляющем по узким специальностям своих агентов, а, скажем, в смысле античном — в качестве «первой философии» — или в смысле эпохи Возрождения). Именно по этой причине в его философии отсутствуют яркие маркеры, позволяющие начинающему знакомству с его творчеством сразу же определить Бибикина в качестве философа, филолога, историка, лингвиста, ученого. При этом трудность усугубляется тем, что очевидным образом Бибикин является ими всеми сразу. Можно было бы предположить, что он обладает особым взглядом на все эти области знания — взглядом, существующим до распада этих областей на различные научные специальности.

Во-вторых, исследователь неизбежно окажется перед задачей если не внешней, то внутренней периодизации творчества Владимира Вениаминовича. На первый взгляд, перед нами палитра самых разнообразных

³Ср. о первой половине 1970-х гг.: «В те же годы нас, природных диссидентов, допустили к деньгам, которые органы выделили на идеологическую разведку альтернатив» (Бибикин, 2003: 181). Под «природным диссидентством» (в отличие от политического), вероятно, следует понимать прирожденную невозможность воспринимать официально декларируемую идеологию хоть сколько-нибудь всерьез.

научных интересов — от переводов художественной литературы до специального курса по современным биологическим теориям. Никакого организующего «ядра», задействующего все это проблемное поле в его целостности, сперва обнаружить не удастся. Примыслить такое «ядро» извне вряд ли удастся. Все попытки редуцировать особенность мысли Бибикина к какому-либо из его переводческих интересов не заслуживают серьезного внимания⁴.

При более близком рассмотрении его творческой биографии мы можем говорить и о более четкой периодизации, а именно о выделении двух периодов, маркируемых началом чтения авторских лекций. В любом случае само их выделение достаточно условно (поскольку на данный момент даже не завершено полное составление библиографии Владимира Бибикина). Первый период, начавшийся в 1966 году публикацией статьи «К характеристике одного образа» в журнале «Театр», завершается весной 1989 года, когда начинается череда собственно авторских курсов Бибикина (весна 1989 года — «Мир»; осень 1989 года — «Язык философии», «Внутренняя форма слова» и «Узнай себя»). С этого года и вплоть до осени 2004 (курс «Язык Витгенштейна» и семинар «Хайдеггер 1936–1944 гг.») мы уже можем говорить о другом Владимире Бибикине — публичном философе. До этого перед нами — более академичный исследователь и переводчик, предпочитающий публикационную активность сфере публичных выступлений, так или иначе ставящих автора в центр общественного внимания и вменяющих ему ту или иную общественно-политическую позицию (к слову сказать, интенсивность публикаций и переводов после 1989 г. действительно идет на спад — на первый план выходят издания именно лекционных курсов). Но даже такая периодизация, очевидно присутствующая в жизни Бибикина, для серьезного исследователя представляет своего рода проблему, поскольку Бибикин, в отличие от множества «официальных» советских философов, не меняет резко парадигму собственной мысли (например, от марксизма к русской религиозной философии). Скорее мы должны здесь говорить о своеобразном накопительном вызревании его мысли до 1989 года, которое позволило инициировать путь его авторских лекционных курсов⁵. Широта собственных интересов, с одной стороны,

⁴Чаще всего Бибикина считают хайдеггерианцем, однако с таким же успехом его можно назвать витгенштианцем, дерридаистом или фрейдистом.

⁵Ср. по этому поводу самохарактеристику: «Когда беспартийным стало можно говорить в университете, когда цензура стала только финансовой, у многих референтов,

и желание партийной верхушки ознакомиться с последними достижениями на западном идеологическом фронте⁶, с другой, первого периода творчества Биbihина заложили фундамент того проблемного многообразия и эрудиции, которые мы встречаем в его лекциях второго периода. При этом никаких прямых зависимостей (вроде реферативного изложения освоенной в спецхране или переведенной прежде литературы) в лекционных курсах Биbihина мы не встречаем. Надо полагать, что ему было достаточно «рефератов» в 1970–80 гг., чтобы относиться к ним и т. н. реферативности сугубо отрицательно⁷. Его мысль всегда уже не просто творчески «переработала» того или иного автора, но вместе с тем поставила его в контекст (сообщество) иных авторов и направила мысль на решение актуальной для самого Биbihина проблемы.

В связи с описанными трудностями мы предлагаем обратиться к двум означенным выше рубрикам: во-первых, мы рассмотрим внешнюю особенность творчества Биbihина: его междисциплинарность и сопутствующее ему фоновое «незримое сообщество» — и, во-вторых, попробуем сформулировать особенности его внутреннего пути развития.

1. ПРОБЛЕМА ВНЕШНЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

«НЕЗРИМОЕ СООБЩЕСТВО» В РАМКАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Как мы отметили выше, Биbihин не может быть причислен к официальным советским философам хотя бы уже по интересующим его темам. При этом период его становления до чтения лекций — с 1966 по 1989 гг. — явным образом охватывает двадцатилетие существования Советского Союза. Согласно нашему предположению, именно в этот период формируется тот фундамент, на основании которого будут с 1989

переводчиков благодаря 15 годам более близкого знакомства с западной мыслью оказалось что-то наработано и для самостоятельного выступления» (Биbihин, 2003: 195).

⁶Ср. самое начало текста «Для служебного пользования»: «Власть начала искать идеологические альтернативы марксизму рано. Уже в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение партии православие» (там же: 181).

⁷Ср. следующую самохарактеристику: «Приобретение читателей засекреченных сборников оказалось гораздо более сомнительным. Неизбежная обрывочность сведений, неспокойный тон рефератов, пикантность непривычного взгляда, а главное, утрата почвы делали реферативный калейдоскоп скорее отравой чем питанием» (там же: 195–196). И еще: «Бывший референт и переводчик многих изданий ДСП [для служебного пользования. — М. Б.], спрашивая себя сейчас по совести, вынужден в конце концов признать: нет, заниматься следовало по-настоящему все-таки независимым исследованием или открытым общественным заказом; деньги за работу, скрываемую от тех, кому она всего нужнее, ты имел право брать только в случае совсем уж крайней нужды» (там же: 196).

года читаться его авторские курсы. Очевидно, он не мог не обращать внимания на официальную философию этих лет, однако предпочитал свой собственный путь, который по меркам 60-х — начала 80-х трудно было отнести к советской философии как таковой.

Как именно Бибахин относился к современной ему советской философии? Этот вопрос заслуживает отдельного основательного исследования, но мы укажем здесь лишь на то обстоятельство, что прямых работ, позволивших нам получить простой и однозначный ответ на этот вопрос (за исключением разве что «Платонизма» и «Для служебного пользования»), мы фактически не найдем. Если опираться на текст последнего, то можно сделать предположение, что Бибахин вообще не рассматривал советскую современную ему философию как философию: он пишет, что все это — исключительно идеология, к которой скептически относятся сами ее заказчики — партийные лидеры. Таким образом, он не оценивал эту философию ни хорошо, ни плохо, поскольку она сама к философии отношения не имела. Однако такой сугубо теоретический вывод следует корректировать более аккуратными фактическими и биографическими обстоятельствами, поскольку именно эта советская философия фигурировала как единственно возможная и правильная. Таким образом, простого жеста отрицания ее существования явно было недостаточно — скорее следует говорить об особом иммунитете, вырабатываемом Бибахиным в течение длительного времени. Изучение подобного иммунитета, его «устройства» и принципов действия — это задача особого исследования, на которое мы пока не в силах решиться.

Вряд ли такой путь мысли и творчества был бы вообще возможен, если бы не существовало подготовленной для этого почвы. Конечно же, Бибахин не был одинок. Не претендуя на полноту раскрытия всех взаимосвязей между указываемыми ниже фигурами, предположим, что он находился в своеобразном сообществе своих современников, которые создавали особенную творческую среду, позволявшую не чувствовать себя категорически одиноким⁸. При этом мы отдаем себе отчет в том, что не все участники этого сообщества вообще осознавали себя в качестве таковых, и тем более мы уже не говорим о личных взаимоотношениях между ними. Скорее речь должна идти о своего рода их со-временном присутствии — даже не в одном публичном поле, а в принципе, вообще. Как раз о публичном поле здесь говорить не приходится, поскольку

⁸Значительный подступ к теме предпринят на основании заметок самого Бибахина и на ограниченном московской средой религиозных интеллектуалов поле (Штгёльк, 2015).

допускалась до трансляции лишь желательная для официальных идеологов или же совершенно нейтральная, на их взгляд, информация. Таким образом, мысль Биbihина, зреющая в то время «из ниоткуда, из темноты»⁹, вероятно, не могла быть ни желательной для власти, ни безразличной для нее.

Что касается ближайшего окружения, о котором Биbihин пишет в работе «Для служебного пользования», то из 21 упомянутого им современника в недружественном контексте представлены лишь четверо из них: академик Ойзерман (за то, что тот не хотел доверять переводчикам выбор глав из Вернера Гейзенберга), Ахманова с истфака МГУ (за то, что разошелся с нею в методике преподавания), ответственный идеологический работник, заместитель директора ИНИОНа Гапочка (за то, что его необходимо было долго уговаривать признать авторитет работ Макса Вебера и Йохана Хейзинги) и, наконец, Мальцев (за то, что он после миграции «вынесет уникально жесткий приговор всему, что пишется и делается в нашей стране, как неисправимо порченому, зараженному рабством, явно или неявно отравленному тиранией» (Биbihин, 2003: 184)¹⁰). Впрочем, сам этот перечень — наша достаточно спорная и субъективная оценка при прочтении данного текста. Остальные коллеги упоминаются с неслучайным уважением и почтением: Рената Гальцева, Сергей Аверинцев, Алексей Лосев, Наталья Артемьева и другие. Мы говорим об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть: Биbihин не мыслил в пустоте и одиночестве, хотя и открытым для поиска истины академическим сообществом эту среду назвать тоже нельзя хотя бы в силу отсутствия соответствующих академических свобод для открытого проведения конференций и возможностей публикаций.

Помимо упоминаемых самим Биbihиным коллег, в первую очередь по переводческому цеху (рефераты для служебного пользования предполагали, что их авторы переводят и более-менее кратко пересказывают, не добавляя от себя), мы бы хотели обратить внимание на состав куда более малочисленного, но для нас более известного «незримого сообщества», задающего упомянутый выше фон мысли и творчества Владимира

⁹Ср. слова о современнике Биbihина (а позже — его друге) Франсуа Федье: «Не в том беда, что он тем временем, спокойно и систематически работая, успел уйти далеко вперед. Хуже было то, что вы следили теперь за ним из ниоткуда, из темноты. То, что он делал на свету, изложенное вами, шло в далекие кабинеты и в закрытые отделы библиотек» (Биbihин, 2003: 187).

¹⁰Отметим, что Биbihин с приговором Юрия Мальцева явно не соглашается (там же: 184).

Вениаминовича. По меньшей мере друг о друге эти люди знали. Нам видится важным назвать такие фигуры, как Алексей Федорович Лосев¹¹, Михаил Михайлович Бахтин¹², Сергей Сергеевич Аверинцев¹³, Михаил Леонович Гаспаров. Кроме того, нельзя не упомянуть уже о достаточно личном, малом круге друзей Владимира Вениаминовича, а именно об Ольге Александровне Седаковой¹⁴, Сергее Сергеевиче Хоружем¹⁵, Анатолии Валерьяновиче Ахутине¹⁶.

Наша гипотеза заключается в том, что индивидуальные творческие поиски каждого участника данного сообщества образуют тот совместный, общий продуктивный фон, который способствовал развитию мысли каждого из них. При этом ни один из этих авторов не может претендовать на решающую или полностью определяющую роль в формировании данного фона. Соответственно, стратегия его исследования выходит за рамки творческих биографий каждого из его участников. Такова,

¹¹С осени 1964 по 1988 гг., до самой смерти Алексея Федоровича, Бибихин не только посещал Лосева, но и выступал в качестве его помощника и секретаря.

¹²Свое отношение к Бахтину Бибихин выразил в работе 1991 года «Слово и событие». Перечислив возможные очевидные влияния на ранний стиль мысли Бахтина (речь идет о «К философии поступка», написанной между 1918 и 1924 гг.) — Николая Лосского, феноменологию Эдмунда Гуссерля, персонализм Франца Розенцвейга, творческий акт Николая Бердяева, параллельное со-мыслие с Хайдеггером — Бибихин добавляет: «...эти поводы для сопоставительного исследования не должны заслонять то более важное обстоятельство, что мысль Бахтина отвечает за себя. Она захватывает не столько своими находками, сколько сжатой энергией, признаком долгого дыхания. Залогом того, что мысль тут стоит на собственном пути. Путь, как приходится судить по его опубликованным работам, остался не пройден до конца. Впрочем, даже поздние записи 1970–1971 годов оказываются разметкой все того же одного пути» (Бибихин, 2010: 67).

¹³Помимо того что Бибихин посвятил Аверинцеву часть прижизненно изданной им книги «Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев», упомянем слова Аверинцева, сказанные по поводу выхода их совместной «Философской энциклопедии», приводимые самим Бибихиным и, очевидно, им разделяемые: «...это был наш маленький крестовый поход» (Бибихин, 2003: 196).

¹⁴Ольга Александровна указывает на важнейший для нее переход от круга Венедикта Ерофеева к учительскому и личному влиянию Сергея Сергеевича Аверинцева. Последнему Седакова посвятила отдельную книгу (Седакова, 2020).

¹⁵В связи с проектом синергичной антропологии С. С. Хоружего нельзя не упомянуть, к примеру, «Материалы к исихастским спорам», опубликованные в качестве приложения к лекционному курсу «Энергия» (Бибихин, 2009: 346–383). Напомним, что в данном случае речь идет о двойном понимании энергии: Бибихин отстаивает первенство аристотелевской энергии покоя, в то время как Хоружий склоняется к паламистской энергии движения. Безусловно, дружеское взаимовлияние Бибихина и Хоружего этим аспектом не ограничивается.

¹⁶В личных беседах Анатолий Валерьянович не раз подчеркивал, что решающее влияние на его становление оказал круг Владимира Соломоновича Библера.

впрочем, особенность творческих, часто незримых сообществ любой эпохи. К примеру, исследователь немецкого идеализма, выделяя хрестоматийные фигуры этого периода (Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля) и обращаясь к сопутствующим и важным авторам того же периода (например, Гельдерлину и Тетенсу), понимает, что содружество Шеллинга, Гегеля и Гельдерлина было до определенного периода вполне реальным. Можно ли назвать реальным в этом содружестве присутствие если не самого Канта, то его мысли? Безусловно. Однако в биографиях каждого из этих персонажей другие авторы так или иначе оказываются фигурами фоновыми, эпизодическими. Тем не менее мы отчетливо можем говорить об особой атмосфере и установках мысли немецкого идеализма, взятого в целом. Подобным же образом необходимо поставить вопрос и в отношении интересующего нас периода. Во-первых, есть ли особая атмосфера или особое настроение у того сообщества, которое мы выделили? Нам думается, что да. Имеются ли общие установки мысли у этого сообщества? Данный вопрос нам кажется куда более сложным, хотя в результате должной и внимательной работы, вероятно, их можно было бы выявить. В-третьих, есть ли общее, пусть сколь угодно широкое и условно выделяемое, тематическое поле, в рамках которого данное сообщество чувствовало себя на родной почве? Не претендуя на исчерпывающую полноту, попробуем подступиться к ответу на последний вопрос. К сожалению, исследований именно на эту тему пока не существует.

Первым общим элементом можно смело назвать серьезное и самое внимательное отношение к слову и языку¹⁷. Разумеется, подобная характеристика сама по себе ничего не говорит и требует конкретизации. На негативном уровне ее можно раскрыть так: участники этого незримого сообщества фактически не пользовались той наукообразной метатерминологией, которой полнится учебная и научная литература современности. Это означает, с одной стороны, что они излагали мысли

¹⁷Помимо собственно филологического прошлого Владимира Библихина, следует обратить особое внимание в этой связи на его лекционные курсы 1989 / 90 гг. «Внутренняя форма слова» и «Язык философии», 1991 / 92 гг. «Чтение философии» (под изначальным заголовком «Первая философия») и «Новое русское слово», 2000 / 2001 гг. «Грамматика поэзии» и «Дневники Льва Толстого». При этом мы перечислили только те курсы, которые однозначно своими названиями указывают на работу со словом, в то время как работа над внимательным отношением к слову не прекращалась Библихиным никогда. Также следует обратить внимание на название, избранное для публикации переписки Ольги Александровны Седаковой и Владимира Вениаминовича Библихина, — «И слову слово отвечает» (И слово..., 2019).

ясным, почти литературным языком, минимизируя т. н. научный аппарат. Если же обратиться к положительному уровню обозначенного первого элемента, то можно раскрыть его так: именно в слове — преимущественно в слове первоисточника — скрыт любой возможный мир смыслов, которые только и существуют, а потому подлежат самому серьезному рассмотрению. Отсюда и особое отношение к литературе, понимаемой предельно широко. Но здесь сразу следует сделать ряд оговорок: не ко всякой литературе и уж тем более не руководствуясь стандартно закрепленным (посредством советских школьных и вузовских программ) подходом к литературе. Можно сказать, что каждый из этих авторов видел в литературе задачи и вопросы, но не ответы, а потому каждый из них так или иначе (как именно — отдельный вопрос) формировал собственное видение, свою «теорию литературы». Последнее словосочетание мы берем в кавычки, чтобы отграничиться от одноименной дисциплины, входящих в стандартную программу обучения на филологических факультетах. Очевидно, что «теории литературы» каждого из участников упомянутого сообщества ни в коем случае не совпадали — вплоть до противоположности по тем или иным не столько частным, сколько принципиальным вопросам. Так почему же мы говорим об этом именно как об объединяющем, а не разделяющем элементе сообщества? Полагаем, что ответ скрывается в упомянутом выше онтологическом, бытийственном отношении к слову, речи и языку. Никто из участников этого сообщества не сомневался в особой значимости литературного слова.

Фактическое игнорирование так называемых «актуальных вопросов современности» (которыми сегодня по преимуществу занята «социальная философия», наследующая «историческому материализму») становится здесь своего рода аскетической практикой, позицией, как бы заявляющей нам: любая современность, если только она имеет хоть какой-то смысл, может получить его в том, что уже сказано. Никаких прогрессивистских тенденций подобная позиция не допускает. В этом смысле строение данного сообщества можно назвать умеренно-консервативным.

Затронутый аспект приводит нас ко второму элементу, которым можно было бы охарактеризовать данное сообщество, а именно — к его особому отношению к истории и современности. Очевидно, что *необращение* к актуальным вопросам современности является уже позицией, пусть и негативно заявленной, по отношению к самой этой современности и ее актуальным проблемам (каждый из участников что-то понял в современности так, что обращаться к ней не следует), однако это негативная

позиция, а раскрытие положительной программы подобной позиции потребовало бы от нас специальных усилий и обращения к каждому из авторов персонально (что выходит за рамки нашего рассмотрения). Собственно, эта негативная позиция и должна в первую очередь рассматриваться в качестве способа иметь дело с современностью и ее проблемами. К примеру, что касается Михаила Гаспарова, всячески подчеркивающего дистанцию античных реалий от собственных¹⁸, можно тем не менее констатировать, что его интерес к античным авторам и их текстам явно не носил сугубо исторического или, если угодно, историко-филологического интереса. Гаспаров постоянно оживляет античность (например, в своем бестселлере «Занимательная Греция»). Что стоит за этим жестом? В отношении Владимира Биbihина можно привести иной пример, касающийся самого начала его лекционного курса «Чтение философии», где он говорит о том, что мы все живем в «событии Платона»¹⁹. Что следует из этого положения? В отношении Биbihина нам чуть проще предположить ответ на этот вопрос, поскольку это связано с другим постоянным лейтмотивом его творчества: не надо придумывать ничего нового, следует прекратить деловитую активность, которая проистекает лишь от бессилия мысли, от невнимания, — наша задача внимательно разобраться (своего рода проект деструкции) с имеющимся нагромождением, со «свалкой». Чего мы достигнем, когда разберемся окончательно? Так вопрос не стоит, поскольку до любого рода окончательности нам бесконечно далеко в принципе. Отсюда, например,

¹⁸Ср.: «Попробуем перенести методы французских постструктуралистов с Бодлера и Расина хотя бы на Горация (не говорю: на Ли Бо), и сразу явится или бессилие, или фантазмагория. Они исходят из предпосылки: раз я читаю это стихотворение, значит, оно написано для меня. А на самом деле для меня ничего не написано, кроме стишков из сегодняшней газеты. Чтобы понять Горация, нужно выучить его поэтический язык. А поэтический язык, как и английский или китайский, выучивается не по интуиции, а по учебникам (к сожалению, для него не написанным)» (Гаспаров, 2001: 111).

¹⁹Ср.: «Само событие закрепляется в том тексте, с которым ассоциируется, и это неверно, т. е. что мы ограничиваем; в тексте Платон, событие Платона, мысль Платона включает все те приращения, перерращения, превращения, которые с ней случились и которые она в себе держала, несла с самого начала, в том числе событие Платона включает и то, что с нами происходит, когда мы читаем Платона, — утрируя можно сказать, что Платон и нас запрограммировал таких, имеющих „собственные мысли“ по поводу его сочинений и выражающих эти наши собственные мысли в наших собственных сочинениях» (Биbihин, 2009: 8–9). Здесь Биbihин говорит о Платоне в связи с Деррида. Можно предположить, что таким же образом он мог бы говорить, к примеру, и о «событии Аристотеля», и о «событии Хайдеггера», при этом характер самого этого «события», естественно, исторически не закреплён и должен рассматриваться в качестве предстоящей современности задачи.

можно прочесть и отношение к современности: она, с одной стороны, препятствует своим невнимательным активизмом всякому вниманию и пониманию (в том числе и самой себя), но в то же время, с другой стороны, она — в лице своих величайших фигур — ведет и не сможет не вести внимательную и понимающую работу мысли по разбору, расчищению. Впрочем, у нас есть попытка прямого разбирательства с современностью, представленная некоторыми участниками описываемого нами сообщества, — совместный сборник-манифест «Наше положение: Образ настоящего» (Наше положение..., 2000), в котором, помимо Бибихина, приняли участие Ольга Седакова, Сергей Хоружий, Анатолий Ахутин, Александр Вустин, Анна Шмаинова-Великанова. Анализ общей — насколько она вообще здесь может быть прочитана — позиции авторов данного сборника, впрочем, потребовал бы отдельного исследования.

Ограничиваясь этими двумя элементами характеристики данного сообщества — отношением к речи и языку, а также отношением к современности, — мы отдаем себе отчет в том, что это лишь приглашение к будущему исследованию. Также весьма дискуссионным и полностью зависящим от перспективы взгляда исследователя является вопрос о включении или выключении из данного незримого сообщества тех или иных персоналий. Тем не менее самый существенный момент в его исследовании — гипотеза о том, что его участники выстраивали свою собственную современность, в которой, помимо их самих и непосредственно связанных с ними современников, присутствовали те авторы, которыми каждый из них занимался. Более того, само присутствие данных авторов не было дано извне: каждый из участников заботился именно о присутствии как таковом, чтобы эти фигуры входили в выстраиваемую сообществом современность. Для Бибихина (как и для Гаспарова, и Аверинцева, и ряда других) здесь важны были не только те авторы, над которыми они размышляли, но и те, кого они переводили, порою не давая особых комментариев. В этом смысле мы имеем дело не столько с работой профессиональных переводчиков, сколько с заботой о введении в поле отечественной культуры тех, с кем легче и лучше быть в современности данного культурного поля. Таким образом, это сообщество заботилось о присутствии в современности достойных друзей — авторов прошлого, которые, согласно определению Аристотеля, только и делают самих участников дружбы лучше и достойнее.

2. ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ: ЛИЧНОЕ СООБЩЕСТВО АВТОРОВ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Возвращаясь непосредственно к творчеству самого Владимира Бибикина и стремясь провести демаркационные линии в пределах его творческого пути, мы сталкиваемся с другого рода трудностями. Мы уже упомянули, что пристальное обращение к творческому пути Бибикина демонстрирует нам яркий переход от накопительного периода рефератов для служебного пользования и переводов к ярким по своей самобытности лекционным курсам. Теперь, исходя из результатов, достигнутых в предыдущем разделе, мы можем выдвинуть следующий тезис: Бибикин на первом этапе творчества сам создавал свое собственное сообщество из тех авторов, к которым он обращался либо в качестве переводчика, либо в качестве автора статей в тех или иных энциклопедических изданиях. Как нам известно, ни один из этих авторов, на которых он потратил столь значительное количество времени и сил собственной жизни, не становился для него предметом профессиональной карьеры: он не стал, скажем, специалистом по Эжену Ионеско или, к примеру, по Зигмунду Фрейдю. И хотя Хайдеггер здесь — случай особый, однако Бибикин хайдеггерианцем не был ни в одном из возможных смыслов этого слова. Зачем же он тратил столько времени и сил на них?

Наша гипотеза заключается как раз в том, что он формировал, буквально создавал из этих авторов, а точнее при помощи этих авторов, собственное творческое сообщество, которое задавало горизонт его авторской мысли. Эти авторы не становились объектом его исследований, поскольку они выступали незримиыми друзьями или собеседниками, советчиками или иногда спорщиками по поводу тех тем, которыми Бибикин занимался. Темы он определял, безусловно, сам («язык философии», «энергия», «правда» и др.). Недоумение, которое вызывает мысль Бибикина у сторонних философов, заключается не в последнюю очередь в том, что у этих тем отсутствует столь привычная рубрика «степень разработанности проблемы». Иначе говоря, совершенно неясно, на кого опирается Бибикин, когда берется за подобные темы, кого следует прочитать, чтобы его лучше понять, в какой традиции он, собственно говоря, находится или к какой традиции хочет себя причислять. На эти вопросы ответов не найти, и для Бибикина, как нам кажется, эта ненаходимость или даже венаходимость — принципиально важная позиция.

Решение данной трудности следует искать в совершенно иной плоскости постановки вопросов. С кем ведет мысленную беседу Бибикин, когда

раскрывает, скажем, тему энергии? Явно не с теми авторами, которые писали про «энергетический кризис», но, например, с Аристотелем. Откуда здесь, в такой актуальной современной и проблематичной теме, вдруг появляется Аристотель? Тот, кто ставит вопрос подобным образом, не понимает особенности мысли Владимира Вениаминовича. Он бы мог спросить иначе: куда при решении столь актуальной и проблематичной проблемы у вас Аристотель вдруг пропадает? Мыслительное поле Бибихина наполнится присутствием тех авторов, которыми он так или иначе на протяжении всей жизни занимался. Это и есть личное творческое сообщество друзей Владимира Бибихина. Остается коснуться последнего вопроса: насколько навязывали эти авторы, по отдельности или все вместе, тот тематический перечень, по которому двигалась траектория мысли Бибихина в его авторских лекционных курсах?

Мы предполагаем, что выбор тем — исключительно авторское решение Бибихина как философа. Ему было интересно рассматривать эти вопросы в подобном самостоятельно сформированном внутреннем сообществе, но никогда развитие этих тем не предполагало объективацию того или иного участника этого сообщества. Даже там, где он обращается к Аристотелю (например, в лекционном курсе «Лес»), он не столько «изучает» Аристотеля (как, скажем, это делали Вернер Йегер или Владимир Порфирьевич Карпов), сколько мыслит вместе с Аристотелем (относя его, между прочим, к феноменологии вместе с Гуссерлем и Хайдеггером²⁰). Можно сказать, что Бибихин смотрит на свою тему одновременно (и последовательно) сквозь призму множества глаз (или «аспектов»). Если исследовать его творчество, стремясь раскрыть эту множественность и определить ее авторство, мы получим рубрику «Влияния на мысль Бибихина».

Но куда интереснее сконцентрировать исследование на самой тематической преемственности, которая, повторяем, обладает непревзойденной авторской оригинальностью. Более того, мы предполагаем единство в этой тематической преемственности. Восстановим этот ряд, проходя по названиям лекционных курсов и беря при этом в скобки те курсы, которые читались одновременно (вторые семестры годовых курсов, а также

²⁰Ср.: «...по описанию Аристотелем своего метода в самом начале Физики, убедимся, что он никогда не будет, в отличие скажем от Евклида, у нас просить что-то сделать, он всегда сначала обратит внимание на то, что мы уже и так делаем, и заметит чего мы пока еще не замечали, но что заметить-то и надо было прежде всего. Это более исходная феноменология чем у Гуссерля. Чистая феноменология Хайдеггера это возвращение от Гуссерля к Аристотелю, причем отчетливое и намеренное» (Бибихин, 2011: 82).

повторные чтения курсов во избежание нагромождения мы не повторяем): «Мир», «Язык философии» («Внутренняя форма слова», «Узнай себя»), «Энергия» («Ранний Хайдеггер»), «Первая философия», или «Чтение философии», («Новое русское слово»), «Лейбниц. Всеобщая наука», «Лицо Средневековья: подходы к изучению эпохи» («Ренессанс: образ и место Возрождения в истории культуры»), «Собственность» («Витгенштейн»), «Пора», «Начала христианства», «Правда», «Грамматика поэзии», «Дневники Льва Толстого», «Философия права», «История современной философии», «Язык Витгенштейна», «Хайдеггер 1936–1944 гг.».

Ясно, что этот перечень названий сам по себе ничего не говорит, и, более того, безвременная кончина автора резко обрывает его. Однако для специалиста, который решится исследовать творчество Библихина, этот ряд в его последовательности представляет собой значительный интерес. Все эти темы (порой неопределенные, как в случае с «Первой философией», ставшей затем «Чтением философии», или же, напротив, намеренно академически звучащие, как в случае «Истории современной философии» или «Философии права») следовало бы попытаться рассмотреть в качестве вех на едином пути авторской мысли так, будто Библихин последовательно продолжает единый авторский курс. Но эта чрезвычайно непростая задача нам еще только предстоит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная статья представляет собой не столько решение определенных проблем, касающихся работы с творческим наследием Владимира Библихина, сколько подступ к грамотной и внимательной постановке предварительных вопросов, связанных с подобной работой. В самом деле, прямые влияния других интеллектуалов его эпохи или личные дружеские связи Владимира Библихина с ними не могут в полной мере обосновать особость его философствования. Кажется, что постановка проблемы незримого сообщества, задающего тон и атмосферу интеллектуальной среды его участников, — это большая работа, которая требует консолидации исследователей, занятых персоналиями, входящими в это «незримое сообщество».

ЛИТЕРАТУРА

- Библихин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — (Слово о сущем ; 47).
Библихин В. В. Чтение философии. — СПб. : Наука, 2009. — (Слово о сущем ; 83).

- Бибихин В. В.* Слово и событие : писатель и литература / под общ. ред. О. Е. Лебедевой ; сост. О. Е. Лебедевой. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Гаспаров М. Л.* Записи и выписки. — М. : НЛЮ, 2001.
- И слову слово отвечает. Владимир Бибихин — Ольга Седакова. Письма 1992–2004 годов / под ред. М. А. Криммеля. — СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019.
- Ильенков Э. В., Коровиков В. И.* Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / под ред. Е. Э. Иллеш. — М. : Издательство «Канон+», РО-ОИ «Реабилитация», 2016.
- Наше положение : образ настоящего / под ред. О. А. Седаковой, В. В. Бибихина, А. И. Шмаиной-Великановой, А. В. Ахутина. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 2000.
- Седакова О. А.* Сергей Сергеевич Аверинцев : Воспоминания. Размышления. Посвящения. — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020.
- Штёкль К.* Владимир Бибихин : биографические заметки и московский круг религиозных интеллектуалов / Владимир Бибихин. — 2015. — URL: http://www.bibikhin.ru/biograficheskie_zametki (дата обр. 12 сент. 2022).

Bogatov, M. A., and D. A. Pavlova. 2022. “‘Nezrimoye soobshchestvo’ Vladimira Bibikhina [‘The Invisible Community’ of Vladimir Bibikhin]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 15–31.

МИХАИЛ БОГАТОВ

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

SARATOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER N. G. CHERNYSHEVSKY (SARATOV, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-2831-918X

ДАРЬЯ ПАВЛОВА

ASSISTANT

SARATOV STATE MEDICAL UNIVERSITY NAMED AFTER V. I. RAZUMOVSKY (SARATOV, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-8696-3980

“THE INVISIBLE COMMUNITY” OF VLADIMIR BIBIKHIN

Submitted: July 03, 2022. Reviewed: July 28, 2022. Accepted: Aug. 04, 2022.

Abstract: This article discusses several difficulties that the researcher of Vladimir Bibikhin’s work inevitably faces. A number of these complications are related to the “external” definition of the direction of Vladimir Bibikhin’s thought. In this regard, two sets of questions arise: 1) the attitude of Vladimir Bibikhin to the official late Soviet line of philosophy; 2) the problem of describing that “invisible community” of contemporaries who, even if they cannot be called like-minded people in the strict sense, nevertheless formed that single context that allowed not

to feel creative isolation. At the same time, it is not so much about the “influence” understood in the strict sense (which undoubtedly took place) but about creating a kind of “atmosphere”, i.e. background that allows each of the participants in this community to develop their ideas. The disclosure of the last set of questions moves towards the consideration of the topic of attitude to modernity and its approval through their creative searches. Another series of difficulties relates to the “internal” demarcation and definition of Bibikhin’s work. On the one hand, purely chronologically, we can talk about his work’s pre-lecture and lecture periods. The article proposes considering the first period as a statement of accomplices, interlocutors of that horizon of thought, which will receive thematic disclosure in the second period. On the other hand, the very thematic diversity of the author’s courses, if considered in chronological order, points us to the author’s own unified way of thought as a philosopher.

Keywords: Vladimir Bibikhin, “Invisible Community”, Sergei Khoruzhy, Sergei Averintsev, Mikhail Gasparov, Olga Sedakova, Late Soviet Philosophy, Periodization of Creativity, the Concept of Modernity.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-13-31.

REFERENCES

- Bibikhin, V. V. 2003. *Drugoye nachalo [Another Beginning]* [in Russian]. Slovo o sushchem 47. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009. *Chteniye filosofii [Reading of Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 83. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Slovo i sobytiye [Word and Event]: pisatel' i literatura [Writer and Literature]* [in Russian]. Ed. by O. Ye. Lebedeva. Comp. O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke / Universitet Dmitriya Pozharskogo.
- Gasparov, M. L. 2001. *Zapisi i vypiski [Entries and Extracts]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: NLO.
- Il'yenkov, E. V., and V. I. Korovikov. 2016. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955) [Dispute Over Theses About the Subject of Philosophy (1954–1955)]* [in Russian]. Ed. by Ye. E. Illesh. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo “Kanon+” / ROOI “Reabilitatsiya”.
- Krimmel', M. A., ed. 2019. *I slovu slovo otvechayet. Vladimir Bibikhin — Ol'ga Sedakova. Pis'ma 1992–2004 godov [And the Word Answers the Word. V. Bibikhin — O. Sedakova. Letters 1992–2004]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.
- Sedakova, O. A. 2020. *Sergey Sergeevich Averintsev [Sergei Sergeevich Averintsev]: Vospomnaniya. Razmyshleniya. Posvyashcheniya [Memoirs. Reflections. Dedications]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Svyato-Filaretovskiy pravoslavno-khristianskiy institut.
- Sedakova, O. A., et al., eds. 2000. *Nashe polozheniye [Our Situation]: obraz nastoyashchego [The Image of the Present Time]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
- Stoeckl, K. 2015. “Vladimir Bibikhin [Vladimir Bibikhin]: biograficheskiye zametki i moskovskiy krug religioznykh intellektualov [His Biographical Notes and the Moscow Circle of Religious Intellectuals]” [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Sept. 12, 2022. http://www.bibikhin.ru/biograficheskie_zametki.